

Лицо Цзян Хао оставалось серьезным. "Как же мне не волноваться? Ты же моя любимая. Некоторые люди узнают друг друга долгое время, а некоторые влюбляются с первого взгляда и никогда не сомневаются. Мэнсюань, я отношусь к тебе именно ко второй категории. Для меня, если хоть малейшая опасность присутствует, то она непростительна. Поэтому я сделаю все возможное, чтобы удалить иглу из твоего тела!" Сталкиваясь с сомнительным взглядом Цин Мэнсюань, он слегка кашлянул, его глаза были ясными и безупречными: "Ну, ты слишком много одета, что закрывает мне обзор. Это не способствует наблюдению за деталями. Поэтому, давай сначала снимем одежду." Цин Мэнсюань: "....." Ее глаза забежали, а на лице вспыхнул легкий румянец. "Ты уверен, что тебе нужно снять иглу?" "Конечно, я, Цзян, правитель страны, я честен и достоин, как я могу говорить неправду?" Хотя Цин Мэнсюань была слаба, она все же начала скрипеть зубами. "Бр-р, мерзавец, ты уже бесчисленное количество раз сканировал меня своей божественной силой, ты видел все мои тайны. Что еще ты хочешь увидеть? Какой великий монах использует глаза, чтобы диагностировать состояние? Что именно ты хочешь увидеть?" Цзян Хао нахмурился. "Сюаньсюань, ты меня не так поняла. Я действительно хочу лучше излечить твои раны. Ты не можешь избежать посещения врача! Это неправильно..." "Хмф! Я не позволю тебе раздеваться. Если ты не уверен, не лечи меня. Пусть я просто умру в муках." "Так не пойдет. Боль в твоем теле, но она причиняет мне еще больше боли. Сюаньсюань, ты все еще не понимаешь меня. Это не твоя вина. В таком случае, я потрачу больше энергии, даже если мне придется исчерпать свою магическую силу и дух, я не позволю тебе страдать." Глядя на мужчину, который дал такое обещание, Цин Мэнсюань не знала, смеяться ей или плакать. Если бы она не знала принципов работы иглы Тяньганской тюрьмы, она бы заподозрила, что неверно поняла его. "Не может быть, он же царь страны, как он может быть таким нечестным?" Про себя она посмеивалась, но на лице, невольно, расцвела счастливая улыбка, настолько прекрасная, что он не мог на нее смотреть. Глаза Цзян Хао метались из стороны в сторону, едва сдерживая свой ум. Его руки, словно распустившиеся цветы лотоса, быстро меняли один изящный печатный знак за другим, и, когда нити магической силы вылетали, унося с собой одну за другой волосные иглы, цвет крови на лице Цин Мэнсюань постепенно возвращался. Когда последняя игла покинула ее тело, ее магическая сила мгновенно вырвалась наружу, вырвавшись из ее тела. Ее хрупкая одежда не выдержала даже мгновение и превратилась в бабочек, улетающих в небо. Нежное тело лежало на снегу, розовое и незащищенное. Глаза Цзян Хао чуть не выскочили из орбит, мгновенно превратившись в 66,66-миллионную пиксельную камеру, непрерывно осматривающую ее. Цин Мэнсюань тихо застонала, взмахнула рукой, чтобы выпустить большое облако дыма вокруг себя, и быстро достала из сумки зеленую одежду, которую быстро надела. Затем, она подняла брови, открыла миндалевидные глаза и смерила Цзян Хао грозным взглядом. Цзян был совершенно невиновен: "Это не моя вина. Я просто следовал твоим инструкциям. Если произошла такая неприятность, то это потому, что ты, как учитель, не смог хорошо обучить." Прекрасное лицо Цин Мэнсюань покраснело от гнева, и прежняя чистота и спокойствие исчезли без следа. "Я не виню тебя в этой неприятности. Я могу сдержаться, даже если увижу, но твоя рука только что..." Цзян Хао опешил, нахмурился, задумался на мгновение, а затем неуверенно спросил: "Что случилось с моей рукой? Она доставила неприятности? Ты же не знаешь, с детства у меня проблема. Эта правая рука часто выходит из-под контроля, я не могу ее контролировать. Ты должна поверить, что все, что она делает, не по моей воле. Я всегда был джентльменом." Цин Мэнсюань от злости чуть было не рассмеялась. Но, глядя на этого высокомерного мерзавца, она не могла по-настоящему рассердиться. В крайнем случае, ей было неловко. "Мерзавец, у тебя явно две руки, а ты сказал, что только одна, ты действительно негодяй." Ощущая покалывание, сохраняющееся на округлостях позади, она почувствовала смущение. Цзян Хао громко рассмеялся, сделал шаг вперед и обнял прекрасную красавицу. "Сюаньсюань, не расстраивайся. Просто ты слишком привлекательна, я влюбился в тебя и не могу себя контролировать. Рано или поздно ты станешь моей императорской наложницей, и ты никогда не сможешь от меня уйти в этой жизни." Цин Мэнсюань закатила глаза, уголки ее губ

слегка изогнулись. На мгновение температура в бамбуковой хижине снова повысилась, и атмосфера наполнилась волнением. После долгой разлуки есть о чем поговорить. Цзян Хао улыбался, слушая, как красотка на его руках рассказывает о своих приключениях после отъезда из Дася. Она вернулась в горы, была заключена под стражу, усердно тренировалась и прорвалась в царство Тяньюань, пока позавчера не попала в засаду своего уважаемого учителя, а затем ей была вживлена иглы Тяньганской тюрьмы. Сегодня ее чуть не убили ее же собственными руками. Когда она говорила о печальных событиях, ее глаза слегка покраснели, и упали слезы. Что может сделать Цзян Хао? Конечно, он утешил ее нежными словами и использовал свои истинные чувства, чтобы успокоить раненное сердце красавицы. Неправильно говорить, что он воспользовался ситуацией, но этот момент действительно был удачным. Хотя они недолго говорили, но стремительное сближение отношений между ними было приятным сюрпризом. "Старый вор Фан Хуэй все-таки сделал хорошее дело. Если бы она не устроила такой переполох. Хотя Сюаньсюань не сможет сбежать из моих лап, она никогда не была бы так зависима от меня, как сейчас, в краткосрочной перспективе. Лучше всего жениться на той, которую любишь, и взять себе наложницу, чтобы их чувства были взаимными. Если ты не заботишься о чувствах и просто усердно работаешь, разве это может быть лучше, чем делать все сам и иметь достаточно еды и одежды? В конце концов, это немного скучно." Хотя он был царем страны, императором девятипяти-летней давности и великим монахом, который превзошел мир смертных. Но Цзян Хао всегда имел свои собственные принципы поведения. Он не убивал людей без разбора, не злоупотреблял чувствами, действовал по велению сердца и никогда не поддавался желаниям других. Теперь отношения между ними значительно продвинулись, и все завершилось успешно. Это действительно повод для торжества. Долгое время они были липкими и корявыми, но Цин Мэнсюань оттолкнула две воровские лапы, которые продолжали тырить большие снежные груши: "Ладно, не заходи слишком далеко, а то я тебя стукну." "Я же говорил, это не моя вина, просто эти две руки не слушаются меня." "....." "Хорошо, я послушаюсь тебя, но сейчас ночь длинная, что мы можем сделать интересного?" Цин Мэнсюань моргнула, внезапно заволновалась: "А мои сокурсники? С ними все в порядке?" "А, все в порядке, все в порядке, я заковал их магической силой, с ними все в порядке, не волнуйся о них, давай продолжим." Гневно глядя на него, Цин Мэнсюань выпрямилась, и ее выражение лица стало серьезным: "Давай сначала освободим их. Большинство этих соратников - хорошие люди, и они находились в неведении, как и я. Храм Циньсинь - это чистое буддийское место, где я выросла. Я не хочу, чтобы он пришел в упадок. Прошу тебя, Ваше Величество, прояви милосердие и дай нам шанс исправиться." "Ха-ха, почему ты такая серьезная? Я обязательно соглашусь с твоей просьбой. Однако храм Циньсинь больше не сможет использовать имя святого места для возделывания, и ему больше не разрешается вмешиваться в мирские дела по своему усмотрению. Концентрируйтесь на чтении священных текстов и тренировках, а когда вам нечем заняться, вы можете сходить в горы, чтобы заниматься медициной и спасать мир. Это мои ожидания от храма Циньсинь." Цин Мэнсюань кивнула несколько раз, в ее глазах горел свет благодарности и радости.